

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 30—50.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 30—50.

Научная статья

УДК 329+94(47)''1917''

EDN <https://elibrary.ru/flbrbj>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.2

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

ЛЕГАЛИСТЫ МЕЖДУ РУССКИМИ РЕВОЛЮЦИЯМИ: ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

Данил Вячеславович Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия,

danilarybin@rambler.ru, SPIN-код: 9503-1890,

<https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация. В статье рассматривается история легалистского движения через мемуарные источники. Цель исследования — на основе мемуарной литературы выявить внутренние связи и группы, сложившиеся внутри либеральной юриспруденции Российской империи. Под либеральными легалистами понимается объединение либеральных сановников Российской империи второй половины XIX — начала XX в., преимущественно выходцев из судебного корпуса и ученых-юристов, а также их «спутников», ученых-экономистов, либеральных чиновников и пр. Идеологию легалистов можно определить как консервативный либерализм, а их идейным вдохновителем был известный ученый-юрист Б. Н. Чичерин.

В нашей работе, опираясь на воспоминания легалистов, мы прослеживаем развитие этой группы. Умеренные либералы, захваченные бурными событиями, пытались, опираясь на свои этические догмы, внести моральное

начало в политику. Несмотря на постоянные поражения, они вновь возобновляли попытки по внедрению правопорядка и законности в государстве. Что интересно, и это отражает мемуарная литература, несмотря на постоянные поражения и жалобы, легалисты не унывали и с оптимизмом смотрели в будущее. Они исходили из того, что Россия является частью мирового процесса и в ней в свое время наступит «всё то, что есть в Европе». Тем горше были их переживания после 1917 года: Россия потеряла шанс на европейское развитие и «скатилась в дикое варварство».

Значительная часть воспоминаний и дневников опубликованы. Это облегчает задачи исследователя. Привлечение архивных источников вкупе с печатными изданиями позволяет сличить разнородные данные и прийти к общим выводам. Использование проблемно-хронологического метода и метода сравнения позволяют провести этот анализ.

Ключевые слова: А. Ф. Кони, П. А. Гейден, М. М. Ковалевский, легалисты, консервативный либерализм, либерализм, мемуары, правовой порядок

Для цитирования: Рыбин Д. В. Легалисты между русскими революциями: воспоминания современников // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 30—50.

Original article

LEGALISTS BETWEEN THE FIRST AND SECOND REVOLUTIONS IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

Danil V. Rybin

St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, danilarybin@rambler.ru, SPIN: 9503-1890, <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract. The article examines the history of the legalist movement through memoir sources. The purpose of the study is to identify internal connections and groups that formed within the liberal jurisprudence of the Russian Empire based on memoir literature. Liberal legalists are understood as an association of liberal dignitaries of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries, mainly those from the judicial corps and legal scholars, as well as their “companions”, economists, liberal officials, etc. The ideology of the legalists

can be defined as conservative liberalism, and the famous legal scholar B. N. Chicherin was their ideological inspirer.

In our work, through memoirs of legalists, we trace the development of this group. Moderate liberals, captured by turbulent events, tried, relying on their ethical dogmas, to introduce a moral principle into politics. Despite constant defeats, they again renewed attempts to introduce law and order in the state. What is interesting, and this is reflected in the memoir literature, is that despite constant defeats and complaints, the legalists did not lose heart and looked to the future with optimism. They proceeded from the fact that Russia was part of the world process and in due time it would have “everything that is in Europe”. Their experiences after 1917 were even more bitter. Russia lost the chance for European development and “slid into wild barbarism”. A significant part of the memoirs and diaries have been published. This makes the researcher's tasks easier. The use of archival sources together with printed publications allows us to compare disparate data and come to common conclusions. The use of the problem-chronological method and the comparison method allows us to conduct this analysis.

Keywords: A. F. Koni, P. A. Gayden, M. M. Kovalevsky, legalists, conservative liberalism, liberalism, memoirs, legal order

For citation: Rybin, D. V. (2025), ‘Legalists between the first and second revolutions in the memoirs of contemporaries’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 3: 30—50 (in Russ.).

Введение

Среди исторических источников по движению либеральных легалистов важнейшее место принадлежит источникам личного происхождения. В их число входят мемуары, дневники, воспоминания, записки.

В научной литературе легализм как единое движение не получил освещения. Поскольку легалисты зачастую не оформляли свои организации, а отдавали приоритет личным связям, воспоминания являются для нас важнейшими источниками об их деятельности, помогающими лучше понять сущность движения. Именно поэтому в нашей выборке мы анализируем комплекс мемуарной литературы.

После легализации политических партий российская интеллигенция с головой окунулась в процессы партогенеза, выборы в Государственную Думу и региональные представительные учреждения, политическую борьбу и т. п. Как известно, всё закончилось 1917 годом и крушением надежд для многих акторов этих событий.

Вполне объяснимо их желание через некоторое время написать мемуары, призванные пролить свет на события, людей, а также восполнить по возможности пробелы в историческом полотне эпохи «освободительного движения». Мы располагаем довольно внушительным списком воспоминаний современников по легалистскому движению. Это ценный арсенал источников, несмотря на неизбежный субъективизм авторов. Всего воспоминаний, затрагивающих легализм, насчитывается более сотни, поэтому мы остановимся только на тех, в которых история легализма отражается в наиболее яркой форме.

Авторитетным исследователем в нашей теме является Нина Борисовна Хайлова. Проанализировав воспоминания, она установила лично-политические связи между М. М. Ковалевским и С. Ю. Витте; подробно разобрала воспоминания И. Н. Ефремова, Д. Н. Шипова; изучала воспоминания оппонентов и внешних наблюдателей, подвергавших легалистов пристрастному разбору [Хайлова, 2021: 65—68]. Среди ряда работ Н. Б. Хайловой на эту тему можно выделить публикации М. М. Ковалевского о Витте, В. В. Водовозова о Ковалевском, воспоминания И. Н. Ефремова о работе в Государственной Думе [Хайлова, 2010, 2011, 2014а, 2014б]. Стоит отметить, что, возможно, масштаб работы исследователя не позволили ей привлечь много других воспоминаний легалистов и о легалистах. Тем не менее выдержки из некоторых воспоминаний (М. М. Ковалевского, В. А. Оболенского, В. А. Маклакова, Ф. А. Головина и пр.) она активно использовала в своей диссертации. Также Н. Б. Хайлова «извлекла на свет» редко используемые дневники легалистов (П. А. Гейдена и К. К. Арсеньева и др.), которые подвергла критическому разбору [Ее же, 2017, 2018, 2021].

Большой пласт рассуждений о мемуарной литературе либералов содержится в диссертации и монографии А. Н. Егорова [Егоров, 2007, 2014]. Анализ мемуарной литературы либеральных политиков в годы предвыборных кампаний проводится в отдельных работах О. А. Патрикеевой [Патрикеева, 2018]. В большинстве случаев (за редким исключением) историки составляли краткую аннотацию к публикуемым мемуарам (частям); особенно часто такие аннотации известны по трудам В. К. Соловьева, В. М. Шевырина, В. В. Шелохаева. Подробный анализ литературы проводился редко.

Воспоминания дают нам представление о том, что большая часть легалистов были близкими друзьями: они переживали друг за друга, заботились о товарищах, поддерживали их, финансировали и совершали прочие коллективные действия. При этом каждый из них был талантливой индивидуальностью. Иначе говоря, они объединялись между собой наподобие союза взрослых, уважающих друг друга единомышленников. Такие сообщества характеризуются горизонтальными связями. Это придавало их объединениям непрочный характер, но, с другой стороны, существовали глубокие межличностные связи, удерживающие их вместе. Иерархия основывалась исключительно на степени уважения к конкретному человеку, зависящей из личного вклада индивида в общее дело (построение либерального этического общества). Юрист из Перми или Одессы, неизвестный в России, мог находиться чуть ниже общего уровня признания, а Кони, Таганцев или Ковалевский могли, за счет своего авторитета строителей правового государства, существенно возвышаться над остальными единомышленниками. Например, любые споры коллег могли быть прерваны мнением лидеров, которые высказывали его крайне неохотно, стараясь избежать персональной ответственности за политические решения.

В начале XX века основная мемуарная литература относилась к выдающимся легалистам, выходцам в основном из профессорской или адвокатской среды. Воспоминаний о сановниках-легалистах выходило мало, популярностью они в то время не пользовались. Исключением стали только мемуары о А. Ф. Кони, а также воспоминания Н. С. Таганцева.

Так как тема идеологии российского государства — консервативный либерализм или либеральный консерватизм — остается важной и в настоящее время, мы уверены, что наша работа является актуальной.

Методология и методы исследования

В качестве основного метода использовался проблемно-хронологический подход. Сравнительный метод позволяет выявить точки зрения сторонников и противников легализма при их сопоставлении.

Основная часть

А. Ф. Кони. В 1915 году вышла статья одесского юриста Бориса Соломоновича Вальбе, посвященная биографическим очеркам

Анатолия Федоровича Кони. С одной стороны, Вальбе отдавал должное Кони и подчеркивал его достижения. С другой — он утверждал, что Кони принадлежит прошлой эпохе, XIX веку. «Старый утопист» живет той эпохой, всем говорит о ней. Его слова, «большинству ставшие непонятными», — это как милые воспоминания о былом обществе. Труды Кони — это панегирик, где стираются конфликты и разногласия. В своих трудах Кони рисует образ морального героя, образца; его герои как бы действуют вне социального контекста. Создавая образы реформаторов, общую социальную картину Кони игнорировал; интеллектуальные особенности людей его мало интересовали, ему были важны психолого-этические аспекты личности. Он тщательно искал и выделял «добрые чувства», переживал из-за распада моральных ценностей, верил, что это явление носит временный характер. И, по Кони, возрождение морали грядет. Здесь Вальбе неосознанно нарисовал образ легалиста-идеалиста, характерный для многих представителей этого движения, ибо такими же чертами можно было наделить князя Евгения Трубецкого или публициста Константина Арсеньева [Вальбе, 1915].

В качестве наиболее взвешенной публикации можно привести статью коллеги Кони — Н. Чебышева, бывшего сенатора. Приверженность закону и правосудию сближала характеры двух бывших судей. Чебышев отмечал, что суд, где блистал наш гуманист, в России долгое время заменял парламент. Кони не успел создать техническую школу юристов, но зато «дал нам корпоративную этику». Кони — кодификатор судебной этики. Таким заявлением Чебышев подчеркнул, что Кони не просто разрабатывал этику, а был идеологом судебного сословия. Архивные материалы подтверждают, что Кони в начале XX века очень энергично отстаивал групповые интересы судебного корпуса [Чебышев, 1927: 4—5].

Стоит также отметить, что Кони написал воспоминания о почти всех легалистах второго поколения, своих современниках. Перечень его мемуаров о ведущих легалистах представляет из себя почти полный список руководителей движения. Именно Кони применял в речах термин «люди правового порядка», подразумевая под ним юристов консервативно-либерального направления.

Какова же была роль Кони в политических событиях последнего десятилетия старой России? Об этом говорит только один мемуарный источник — воспоминания Д. Д. Гримма (член Госсовета,

близкий к кадетам). Гримм, характеризуя расстановку политических сил в Государственном Совете в 1907 г., отмечал, что в палате совершенно определенно сложились три группы: группа центра, правая группа и академическая, или левая, группа. Гримм подчеркивал, что члены Совета по назначению «обходили стороной» академическую группу и не рисковали сотрудничать с ней. Он отмечал, что близок к академической группе был А. Ф. Кони. Таких «сочувствующих» в академической группе шутя называли «тайнобрачными». В 1910 г. в Государственном Совете сформировалась еще одна группа — группа беспартийных, главную роль в ней играли А. Ф. Кони и барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбрант. В годы Первой мировой войны данная группа примкнула к Прогрессивному блоку [Гримм, 2017: 83, 84].

Гримму принадлежит очень интересная характеристика А. Ф. Кони, которая отличается от «канонического образа». Гримм констатирует, что к началу XX века сложилась устойчивая репутация А. Ф. Кони, а именно: прогрессивный, принципиальный, бесстрашный общественный деятель. Гримм признает, что А. Ф. Кони был одаренным человеком, выдающимся судебным деятелем, прекрасным оратором — и т. д. Однако Гримм отрицает, что у А. Ф. Кони был стойкий характер и бесстрашие «в выявлении определенного политического мирозерцания» [Там же: 115]. Гримм критикует А. Ф. Кони за то, что тот числился в списке беспартийных членов Государственного Совета, и считает, что позиция Кони свидетельствовала о нежелании последнего позиционировать собственные политические взгляды, а соответственно, придерживаться определенного поведения в тех или иных принципиальных вопросах. Осуждая Кони за его абсолютную политическую бесформенность, Гримм отмечает, что А. Ф. Кони в частных разговорах подчеркивал свою близость к академической группе, а во время тайного голосования солидаризовался с ней. Гримм выделяет крайнюю осторожность А. Ф. Кони и желание его скрыть симпатии к академической группе [Там же: 116].

Гримм упрекает А. Ф. Кони еще и в том, что он на общих собраниях Государственного Совета избегал публично выступать по острым политическим вопросам. По мнению Гримма, Кони любил высказываться «по нейтральным вопросам», а именно — о народном образовании, авторском праве, расширении права женщин, борьбе с пьянством и пр. В итоге Гримм резюмирует, что А. Ф. Кони

не был бесстрашным политическим борцом, «не был тем политическим Bayrdom...» [Там же: 117, 118]. Другие источники частично подтверждают точку зрения Гримма. Кони действительно часто был пассивен, чересчур осторожен. Он как политик предыдущего поколения предпочитал подковерные, закулисные переговоры. Но он оказывал решающее влияние на всё легалистское движение, и его мнение (хоть и редкое) всегда имело решающее значение для его сторонников.

Н. С. Таганцев. Следующим крупным легалистом мы можем считать Николая Степановича Таганцева, также члена Государственного совета Российской империи. После 1917 года знаменитый юрист занялся составлением своих мемуаров и стал вести дневник. Часть материалов он успел опубликовать в 1919 году. Это были воспоминания о первой русской революции.

Ряд воспоминаний посвящен совещаниям по переустройству государства, проходившим в июле 1905 — апреле 1906 г. На первом (Петергофском) совещании количество умеренных либералов и консерваторов было примерно равным (20 % участников были учениками Таганцева). Сенатор показал панораму бурных дискуссий по содержанию компетенции будущей Думы и по избирательной системе. Решившись на реформы, царь подписал манифест от 6 августа 1905 года. Один из вариантов манифеста предложил Таганцев [Таганцев, 1919: 12—14, 21—33].

Следующей стадией стали царскосельские совещания, в составе собрания во главе с Д. М. Сольским. Таганцев показывал в воспоминаниях, как шаг за шагом государство отменяло административные ограничения для политической деятельности. После 17 октября в совещания были привлечены Д. Н. Шипов и А. И. Гучков. В целом Витте перетасовал состав совещаний, резко уменьшил число консерваторов и увеличил количество либералов. Либеральные земцы настаивали на введении всеобщего избирательного права (шиповский проект № 2). Их поддерживали отдельные чиновники. Старые легалисты А. А. Сабуров и Н. С. Таганцев поддерживали проект введения сословной системы выборов (№ 1), считая, что новую систему вводить преждевременно. Таким образом, они оставались на своих прежних позициях постепенного реформирования государства. Вновь обозначился разлад перед умеренными либералами и либералами, и в итоге возобладал проект № 1 [Там же: 47—53, 79—98].

В третьей комиссии графа Сольского разрабатывался проект реформы Госсовета. В то время в октябре Витте вел напряженные переговоры с либералами о вхождении их в правительство. Таганцев излагает свою версию привлечения его к посту министра просвещения, полностью противоположную тому, что рассказывает в своих воспоминаниях Витте. Единственное, в чем воспоминания совпадают, — это отказ сенатора занять министерскую должность. Чтобы не допустить своего назначения, Таганцев пошел на отказ от встречи с императором, что привело к закату его политической карьеры. В новые комиссии он уже не назначался. Тем не менее проект реформы ученый подробно разобрал в своих мемуарах [Там же: 99—140].

В феврале 1906 года открылось второе царскосельское совещание, которое должно было определить положение парламента в государстве и согласовать все акты предстоящей реформы. В составе совещания вновь преобладали либеральные деятели, включая Таганцева. После серии дискуссий основы преобразования государства были окончательно выработаны и вступили в силу в конституционных актах февраля — апреля 1906 года [Там же: 141—154].

М. М. Ковалевский. Одним из ведущих лидеров легалистов был Максим Максимович Ковалевский. В 1914 году он написал свои мемуары, известные под названием «Моя жизнь», причем прямо заявлял, что изначально писать их не собирался и что они субъективны [Ковалевский, 2005: 202].

Важной частью воспоминаний стали события первой русской революции и после нее. В 1905 году вернувшись в Москву, он оказался на очередном земском съезде, где заявление А. И. Гучкова по Польше вызвало «первый раскол в прогрессивном лагере». Речь шла о разногласиях по отношению к Польше между либерально-консервативными и консервативно-либеральными группами (дискуссия по этому вопросу отражена в переписке Д. А. Милютин и Б. Н. Чичерина в конце XIX века). Первые выступали против автономии Польши, вторые за ее расширение. Стоит отметить, что только что вернувшийся из Европы Ковалевский с удовольствием принял модель Булыгинской Думы, отвечавшей, в прошлом, требованиям умеренных либералов, но быстро понял, что общество требовало гораздо больших парламентских свобод [Там же: 338—346].

С сожалением Ковалевский писал об уходе Витте с поста председателя Совета Министров. Витте, либерал, подвергавшийся шельмованию со стороны либералов и социалистов, оказался чрезвычайно мягким руководителем; Горемыкин был хуже, а Столыпин еще хуже (хуже в смысле жесткости государственной политики). По утверждению Ковалевского, Витте фактически не контролировал реформируемый Совет министров [Там же: 358—361].

Когда Ковалевский вернулся из-за границы, то известные легалисты А. С. Посников и К. К. Арсеньев уже основали партию демократических реформ. Арсеньев предложил Ковалевскому вступить в партию («партию, в которую меня записали»). Обсуждая с однопартийцами программу, ученый посчитал, что нецелесообразно на тот момент предоставлять равные избирательные права всем полам, а также неграмотному населению. Ковалевский напоминал, ссылаясь на опыт Франции, что «всеобщее избирательное право может дать столько же деспота, сколько и республику» [Там же: 349, 350, 367]. Ковалевский отмечал, что публика плохо восприняла его идеи, заключив, что «мы вернулись в Петербург, не присоединив ни одного члена к нашей партии» [Там же: 350].

Печатным рупором «Партии демократических реформ» стала ежедневная газета «Страна», а Ковалевский — ее главным редактором. На издание он получил от «богатой русской семьи» 200000 рублей, к которым добавил свои средства, и 19 февраля 1906 года вышел первый номер. Ученый привлек к работе над газетой группу своих товарищей: И. И. Иванюкова, К. К. Арсеньева, А. С. Посникова и других. Большого успеха газета не имела. Не предпринималось достаточных усилий к ее распространению, а конституционно-демократическая партия приняла меры, чтобы воспрепятствовать своим членам публиковаться на страницах «Страны». Газета выходила несколько месяцев и прекратила свое существование из-за приостановления властями, судебного преследования редакторов и отсутствия средств. Ковалевский после ряда попыток возобновить выпуск был вынужден ее закрыть [Там же: 347, 349].

По его воспоминаниям, после роспуска первой Государственной Думы П. А. Столыпин предпринял попытки сформировать кабинет министров с привлечением в него ряда представителей либеральных легалистов. М. М. Ковалевский крайне негативно воспринял тот факт, что его соратники вели переговоры со Столыпиным и считали

возможным для себя работать в его команде. По мнению ученого, Столыпин не соблюдал элементарные основы правового порядка. Ковалевский писал, что люди кристальной чистоты, такие как Н. Н. Львов или граф П. А. Гейден, соглашались войти в состав образуемого Столыпиным кабинета, хотя был твердо уверен в невозможности такого шага со стороны своих единомышленников. Ковалевский понимал, что, соглашаясь вступить в состав кабинета Столыпина, они погубили бы политическую карьеру и, как мемуарист подчеркивал, «наше общее дело». В случае такого шага Львов, Кони, Гейден совершили бы *salto-mortale* и прослыли бы перебежчиками [Там же: 374]. Под «общим делом», как мы можем предполагать, имелась в виду идеология легалистов и их планы построения правового государства.

Посников и Гейден создали Партию мирного обновления, в разработке программы которой принял участие и Ковалевский. Он критиковал название партии и называл его «смехотворным», а также впоследствии отмечал, что «она встала на ноги, с тех пор как сбросила с себя это название, и слывет теперь партией прогрессистов». Ковалевский определял место этой партии в политической палитре того времени: «несколько правее к.-д. и левее октябристов». Он отмечал, что в эту партию вступали «те, кто, не решаясь открыто выступить к.-д., не хотели в то же время идти заодно ни с октябристами, ни, тем более, с националистами» [Там же: 375]. Ковалевский подробно описал политический и психологический расклад работы членов Госсовета. В частности, он вновь выделял «людей правового порядка», к которым причислял себя, Кони, Таганцева [Там же: 402].

Смерть крупного ученого в 1916 году привела к серии биографических публикаций. Одной из первых вышла работа А. Ф. Кони. В период совместной работы Кони и Ковалевского в Государственном Совете они сблизились. Кони в этой связи писал, что у них с Ковалевским был постоянный обмен мыслями и взглядами, в которых, как подчеркивал Кони, «мы по большей части, хотя иногда и по разным основаниям, сходились» [Кони, 1916: 4]. Ковалевский выступал по законодательным вопросам в Государственном Совете, как правило, от лица академической группы, членом которой он состоял. Кони, несмотря на то, что не принадлежал ни к одной из групп, тяготел к последней и часто при голосовании солидаризировался с ней. С большой симпатией он высказывался о законотворческой деятельности

Ковалевского в Государственном Совете и его выступлениях на трибуне государственной власти: у них совпадали взгляды по вопросу смертной казни, суду присяжных, свободе совести и др. [Там же: 1—19].

Ковалевский неоднократно предостерегал от поспешного и слишком широкого применения 87-й статьи Основных Законов (статья, дающая возможность императору право издавать указы законодательного характера). В частности, Ковалевский настаивал на том, что применение статьи 87 необходимо в действительно чрезвычайных обстоятельствах, которые очевидно и властно «требуют неотложных мер, откладывать которые нельзя, не рискуя общественным благом и безопасностью» [Там же: 10]. Заслуживает внимания, по мнению Кони, мысль Ковалевского, который советовал «лечить больные общественные порядки не наскоро, не в смутные эпохи, а в эпохи относительного затишья» [Там же: 16].

Кони в своих воспоминаниях о Ковалевском писал, что последний выступал в Государственном Совете с горячей защитой суда присяжных, основываясь «на вековом опыте Англии». По свидетельству Кони, Ковалевский характеризовал суд присяжных как суд жизненный, имеющий облагораживающее влияние на народную нравственность, служащий проводником народного правосознания. Кони, безусловно, симпатизировал Ковалевскому по еще одному острому общественно-политическому вопросу той эпохи — свободе совести. Сенатор, характеризуя взгляды Ковалевского, подчеркивал его уважение к гражданским правам человека и истинное понимание свободы совести, не заменяемой суррогатом свободы вероисповедания [Там же: 16, 17].

20 января 1917 года Я. Магазинер (будущий советский ученый-юрист) сделал доклад в Петроградском юридическом обществе, где постарался «по свежим следам» изложить политическую теорию Ковалевского, своего учителя. По мнению докладчика, поставив принцип свободы личности превыше всего, ученый преломлял через него закон, государство, общество. Всё вторично перед этим правом. Магазинер рисует образ глубокого интеллектуала, одинокого и, в конечном счете, не востребованного обществом. В чем-то его одиночество сродни легалистским идеям, одним из идеологов которых он был [Магазинер, 1917]. Примерно в таких же выражениях

и о том же говорил коллега Ковалевского — профессор И. И. Ивановский [Ивановский, 1916: 20—28].

В том же 1917 году вышел сборник статей-воспоминаний о личности Ковалевского. Друзья с восторгом вспоминали о радостных моментах общения с крупным ученым [М. М. Ковалевский..., 1917: 121]. В. Д. Кузьмин-Караваев (один из деятелей партии демократических реформ), рассказывая о выступлениях Ковалевского в I Государственной Думе, подчеркивал, что это, пожалуй, были одни из самых ярких речей. Поучая депутатов, Ковалевский постоянно апеллировал к парламентской практике других стран, прежде всего, Англии. Кузьмин-Караваев отмечал: когда в кулуарах Думы обсуждался вопрос о формировании ответственного министерства, происходило «распределение портфелей», и почти все депутаты считали, что Ковалевский должен был стать министром иностранных дел [Там же: 87—93]. А. Ф. Кони вспоминал о законопроектной работе Ковалевского в высшей палате империи. Он подчеркивал его роль как знатока государственного права. Члены Госсовета пасовали перед ним, им было нечего возразить, и некоторые из них были раздражены его лекциями и нравоучениями. Умеренность, ум, прогрессизм, глубина, человечность — вот характеристики Ковалевского, по мнению Кони [Там же: 69—86]. В том же году один из его учеников Аркадий Фатеев выпустил воспоминания об учителе. Он указывал, что Ковалевский был кантианцем, англоманом (проецировал английскую модель на Россию), позитивистом [Фатеев, 1917: 48—52, 59—61].

В. А. Маклаков. Ковалевский был близок к кадетской партии. Один из лидеров ее, Василий Алексеевич Маклаков также тяготел к консервативному либерализму и возглавлял правое крыло кадетов. В своих воспоминаниях он обосновывал причины того, почему либеральное движение (кадеты) после 1905 года встало на путь свержения самодержавия. Маклаков распространял свое предположение на весь либеральный лагерь, что неверно, так как группа либеральных легалистов (Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Прогрессивная партия) фактически до последнего момента отстаивала необходимость диалога с властью (монархией) и эволюционный путь общественно-политического реформирования России.

Маклаков сравнивал «освободительное движение» рассматриваемой эпохи с войной, которая должна была завершиться перемирием между обществом и исторической властью. Он формулировал, что эта война не была необходима. И здесь автор предлагал легалистский подход. По мнению Маклакова, самодержавие было обречено, обществу достаточно было жить и расти, чтобы получить всё, что необходимо, в том числе «увенчание здания» (то есть конституцию). Вместе с тем, как считал Маклаков, руководителям общества на тот момент не хватило терпения, и они выбрали «войну», которую они выиграли. Автор обращал внимание, что самодержавие в результате войны с обществом рухнуло, но заключить «хороший мир» победители не сумели. Маклаков фиксировал, что были «либеральные деятели старой формации», которые войны не хотели и добивались своих целей мирным путем (легалисты). По мнению Маклакова, последние служили своим идеям в рамках существовавшего строя и тем самым готовили новый порядок. В этой связи он писал: «Мировой судья, который в своей камере защищал закон и права человека, работал над “увенчанием здания” не меньше, чем те, кто в подпольной прессе требовали конституцию» [Маклаков, 1936: 140].

Особый интерес представляют воспоминания, относящиеся к годам Первой русской революции. В ходе выборов в I Государственную Думу места «справа» заняли умеренные либералы: Гейден, Стахович. О них Маклаков отзывался очень комплементарно, наделял их положительными чертами. Говоря о Гейдене, Маклаков вспоминал, что он был проповедником «правового порядка», «здорового смысла». Стаховича Маклаков считал «идеалистом самодержавия», так как орловский дворянин думал (прямо следуя за Чичериным), что самодержавие может произвести и политическую свободу, и социальную справедливость. Ковалевского кадет не идеализировал, подчеркивая, что его независимое поведение в Думе мало кому понравилось, зато в Госсовете он принес пользу освободительному движению. Характеризуя «дикого» Кузьмина-Караваева, Маклаков, отмечал, что «он принадлежал к Партии демократических реформ, состоявшей из четырех человек», поплыл по течению и положил свой авторитет на весы демагогии. В провале переговоров лидеров либералов и Столыпина в 1906 году Маклаков винил обе стороны [Выборы в..., 2008: 89—93, 422].

Многие либералы в то время и впоследствии оценивали перспективы умеренных либералов очень скептически. Так, П. Н. Миллюков дал исчерпывающую, на наш взгляд, характеристику политическим перспективам легалистского движения: «В партию [кадетов] не вошли некоторые идейные вожди русской интеллигенции, как К. К. Арсеньев, М. М. Ковалевский и др., много поработавшие над подготовкой ее же идеологии. Непривычка ли к коллективному действию и взаимным идейным уступкам, индивидуальность ли личностей, жизненных привычек и взглядов, — как бы то ни было, эти общественные деятели, даже пытаясь объединиться, разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые не могли иметь влияния на ход политической жизни в стране. Одним из них “кадеты” казались слишком умеренными, другим — слишком радикальными. Они и остались наблюдателями событий и критиками — со стороны» [Там же: 102].

Оценивая судьбу легалистов, составивших основу прогрессистской партии, Миллюков отмечал, что это были неподдельные конституционалисты, не желавшие леветь. Тем не менее, сохраняя принципы индивидуализма, эта партия оставалась рыхлой и недисциплинированной [Там же: 577].

Н. П. Карабчевский. Специфичны воспоминания представителей российской адвокатуры праволиберального направления. Выдающимся их представителем был Николай Платонович Карабчевский, один из ведущих петербургских адвокатов. Его записки о событиях начала XX века состояли из серии очерков, в которых он вспоминал о различных людях и давал им оценку. Так, Карабчевский негативно оценивал всех деятелей левее легалистов (кадетов и социалистов) и правее (октябристов и всех монархистов). В то же время он с неизменным пиететом положительно говорил о Кони, Случевском («юристы либерального оттенка»), Герарде, Александрове, Андреевском, Спасовиче, Д. В. Стасове и пр.

Характеризуя присяжных поверенных, он указывал, что это было сословие и профессионально, и политически либеральное. Их он противопоставлял радикальным адвокатам. Много страниц Карабчевский посвятил противостоянию либеральных адвокатов — адвокатам-социалистам, о которых он отзывался пренебрежительно (они, по его словам, не только политизировали адвокатуру, но и были попросту слабыми ораторами). Также он с усмешкой говорил

о старых адвокатах умеренно-либеральной ориентации: А. И. Турчанинове, Ф. Н. Плевако и прочих, которые потерялись в новом мире. По его словам, он чуть ли не единолично противостоял разрушению петербургской адвокатуры. Как типичный легалист Карабчевский считал, что ничего нет превыше закона; никакая политика не оправдана, если право повержено [Карабчевский, 2018: 66, 68—71, 73—78, 80—83, 180, 200, 221].

Отдельную группу мемуарной литературы составляют дневники. В них легалисты информацию о деятельности своих организаций представляли фрагментарно. Так, в бытовые описания авторы периодически вкрапляли упоминания о тех или иных коллективных действиях юристов и их соратников. К таковым относятся дневники *П. А. Гейдена*¹, *Н. М. Акимова*², *А. В. Жиркевича* [Жиркевич, 2007: 219—636]. В других же дневниках, напротив, мы находим ценные данные, которые необходимы для реконструкции связей между представителями высшей российской бюрократии и либеральной интеллигенции.

Так, в дневниках члена Государственного Совета *А. А. Половцова*, умеренного либерального юриста, мы найдем много нелестных характеристик в адрес консервативных министров и высших сановников. Хотя в большинстве своем характеристики он дает уничижительные и высмеивающие, в ряде случаев сановники награждаются положительными эпитетами. И в каждом случае это либеральные чиновники.

Особый интерес представляют подробные сведения Половцова о создании Совета министров империи, родившегося на совещании у Д. М. Сольского в 1905 году. Причем основные споры разгорелись между либеральными сановниками: А. А. Сабуровым, И. Я. Голубевым, С. С. Манухиным, С. Ю. Витте, Н. С. Таганцевым, В. Н. Коковцовым и пр. При таком раскладе либерализация управления была неизбежна — речь шла только об ее интенсивности. То же самое происходило при переформировании Государственного Совета. Витте предлагал включить в его состав В. Ф. Плевако, К. К. Арсеньева, А. И. Гучкова и пр. Половцов предлагал ввести

¹ Государственный архив Российской Федерации Ф. 887. Оп. 1. Д. 4, 5, 7.

² Российский Государственный исторический архив. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 44, 45, 46.

М. М. Стасюлевича, Г. А. Евреинова. Также фигурировали фамилии Кони, Д. А. Милютина и других. Таким образом, в 1905 году на короткое время царь отдал управление страной в руки либеральной бюрократии, частью которой были легалисты [Голечкова, 2015: 26—37, 153—165].

Большой интерес представляют неопубликованные дневники **К. К. Арсеньева**, одного из лидеров движения. Константин Константинович оставил обширные записи с 1866 по 1919 годы (17 дел). Дневники уникальны по количеству событий и лиц, вовлеченных в них. Записи погружают нас в атмосферу либеральной интеллигенции Петербурга. Благодаря дневникам мы можем установить даты заседаний легалистских организаций, частично реконструировать ежедневное расписание лидеров легализма, в том числе Кони, Арсеньева, Спасовича и других. Лидеров легализма (они же друзья Арсеньева) автор оценивал в положительных или восхищенных выражениях. Константин Константинович вел учет количества заседаний легалистских организаций, описывал совместные обеды лидеров легализма. В 1906—1910 годах Арсеньев описал строительство Партии демократических реформ и ее провал³.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что воспоминания легалистов и их оппонентов позволяют судить о них как о субъективных идеалистах. Преисполненные идеей законности и кантовской этики, они упорно (вслед за Чичериным) стремились привнести эти идеи в политику. В случае с Гейденом, Шиповым и Стаховичем это привело к расколу с правыми октябристами, готовыми следовать за правительством. В случае с Ковалевским и Арсеньевым это привело к расколу с кадетами из-за несогласия с их неразборчивостью в политической борьбе. Индивидуализм, «высокое этическое знамя», чрезмерное теоретизирование, дидактическое поучительство легалистов вызывали раздражение и отталкивали многих избирателей. При этом все признавали высокие моральные качества лидеров легализма (Витте и многие политики и публицисты с удивлением писали о морализаторстве легалистов). Нежелание принимать аморальные правила политики привело движение к банкротству и обрекло его на провал.

³ Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23—40.

Список источников

- Вальбе Б.* Анатолий Федорович Кони, литературный портретист // Известия Одесского библиографического общества при императорском новороссийском университете. 1915. Вып. 5—6. С. 253—266.
- Выборы в I—IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под общ. науч. ред. А. В. Иванченко. М.: [б. и.], 2008. 860 с.
- Голечкова О. Ю.* Бюрократ его величества в отставке: А. А. Половцов и его круг в конце XIX — начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 188 с.
- Гримм Д. Д.* Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907—1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
- Егоров А. Н.* Очерки историографии Российского либерализма конца XIX — первой четверти XX века (дореволюционный и советский периоды). Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2007. 275 с.
- Егоров А. Н.* Образ М. А. Стаховича в воспоминаниях современников // Муромцевские чтения. Труды. 2009—2013: сб. науч. статей. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2014. С. 306—316.
- Жиркевич А. В.* Потревоженные тени... Симбирский дневник. М.: Этерна-принт, 2007. 640 с.
- Ивановский И.* Максим Максимович Ковалевский. Биографический очерк. Пг.: [б. и.], 1916. 24 с.
- Карабчевский Н. П.* Дело о гибели Российской империи. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.
- Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. 784 с.
- М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг.: [б. и.], 1917. 274 с.
- Кони А. Ф.* М. М. Ковалевский в законодательной деятельности. Пг.: Самообразование, 1916. 19 с.
- Магазинер Я. М.* Политическая идея М. М. Ковалевского в связи с характеристикой его личности. Пг.: [б. и.], 1917. 22 с.
- Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): в 3 ч.: Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия» на 1936 г. Париж: Журн. «Ил. Россия», Ч. 1. 1936. 610 с.
- Патрикеева О. А.* Воспоминания, письма, дневники начала XX столетия как исторический источник по изучению проблемы выборов в I Государственную Думу Российской империи // Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы: материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 2 марта 2018 г. / под ред. В. М. Доброштан. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. гос. ун-т промышлен. технологий и дизайна, 2018. С. 180—183.
- Таганцев Н. С.* Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905—1906 гг. Пг.: [б. и.], 1919. 228 с.
- Чебышев Н. А.* Ф. Кони (из воспоминаний) // Возрождение. 2 октября 1927. С. 4—5.

- Фатеев А. Максим Ковалевский (к годовщине смерти). Харьков: [б. и.], 1917. 94 с.
- Хайлова Н. Б. «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною». Воспоминания М. М. Ковалевского о встречах с С. Ю. Витте накануне роспуска II Государственной Думы. 1907 г. // Исторический архив. 2010. № 5. С. 123—153.
- Хайлова Н. Б. «Расскажу один удивительный и очень трогательный эпизод». Воспоминания В. В. Водовозова о М. М. Ковалевском // Исторический архив. 2011. № 3. С. 26—29.
- Хайлова Н. Б. «Надо было на что-то решаться...». Воспоминания депутата 1-й, 3-й и 4-й Государственной Думы И. Н. Ефремова. 1932 г. // Исторический архив. 2014. № 3. С. 83—98.
- Хайлова Н. Б. «Я постарался припомнить важнейшие события всей моей жизни». Воспоминания депутата I, III и IV Государственных Дум И. Н. Ефремова. 1932 г // Исторический архив. 2014. № 2. С. 68—89.
- Хайлова Н. Б. Хранитель «забытых слов»: К. К. Арсеньев в годы «великих потрясений» (1914—1918) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 16—25.
- Хайлова Н. Б. Константин Константинович Арсеньев: «Свобода печати, свобода совести и личная неприкосновенность: вот три блага, потребность в которых чувствуется всё больше...» // Российский либерализм: идеи и люди: в 2 т. / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. Т. 1: XVIII—XIX века. М.: Новое изд-во, 2018. С. 528—569.
- Хайлова Н. Б. Центризм в идеологии и практике российского либерализма в начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. 695 с.

References

- Chebyshev, N. (1927), 'A. F. Koni (from memoirs)', *Vozrozhdenie* [Renaissance], 2 October: 4—5.
- Egorov, A. N. (2007), *Ocherki istoriografii Rossiiskogo liberalizma kontsa XIX — pervoi chetverti XX veka (dorevoliutsionnyi i sovetskii periody)* [Essays on the historiography of Russian liberalism at the end of the 19th — first quarter of the 20th century (pre-revolutionary and Soviet periods)], Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, Cherepovets, Russia.
- Egorov, A. N. (2014), 'Image of M. A. Stakhovich in the memoirs of his contemporaries', *Muromtsevskie chteniia. Trudy. 2009—2013: sbornik nauchnykh statei* [Muromtsev Readings. Proceedings. 2009—2013: collection of scientific articles], Izdatel' Aleksandr Vorob'ev, Orel, Russia: 306—316.
- Fateev, A. (1917), *Maksim Kovalevskii (k godovshchine smerti)* [Maxim Kovalevsky (on the anniversary of his death)], bez izdatel'stva, Khar'kov, Russia.
- Golechkova, O. Yu. (2015), *Biurokrat ego velichestva v otstavke: A. A. Polovtsov i ego krug v kontse XIX — nachale XX veka* [His Majesty's retired bureaucrat: A. A. Polovtsov and his circle at the end of the 19th — beginning of the 20th century], AIRO-XXI, Moscow, Russia.

- Grimm, D. D. (2017), *Vospominaniia: Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907—1917 gody* [Memoirs: From the life of the State Council 1907—1917], Nestor-Istoriia, Sankt-Petersburg, Russia.
- Ivanovsky, I. (1916), *Maksim Maksimovich Kovalevskii. Biograficheskii ocherk* [Maxim Maksimovich Kovalevsky. Biographical sketch], bez izdatel'stva, Pg, Russia.
- Karabchevsky, N. P. (2018), *Delo o gibeli Rossiiskoi imperii* [The Case of the Fall of the Russian Empire], Algoritm, Moscow, Russia.
- Khailova, N. B. (2010) “He has never spoken so openly to me before.” Memoirs of M. M. Kovalevsky about meetings with S. Yu. Witte on the eve of the dissolution of the Second State Duma. 1907’, *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no. 5: 123—153.
- Khailova, N. B. (2011), “I’ll tell you one amazing and very touching episode.” Memoirs of V. V. Vodovozov about M. M. Kovalevsky’, *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no 3: 26—29.
- Khailova, N. B. (2014a), “I tried to remember the most important events of my whole life.” Memoirs of the deputy of the I, III and IV State Dumas I. N. Efremov. 1932’, *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no 2: 68—89.
- Khailova, N. B. (2014b), “We had to decide on something...” Memoirs of the deputy of the I, III and IV State Duma I. N. Efremov. 1932’, *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no 3: 83—98.
- Khailova, N. B. (2017), ‘Keeper of “forgotten words”: K. K. Arsenyev during the years of “great upheavals” (1914—1918)’, *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad], no. 4: 16—25.
- Khailova, N. B. (2018), ‘Konstantin Konstantinovich Arsenyev: “Freedom of the press, freedom of conscience and personal integrity: these are three goods, the need for which is felt more and more...”’, in Kara-Murza, A. A. (ed.), *Rossiiskii liberalizm: idei i liudi* [Russian liberalism: ideas and people], vol. 1: XVIII—XIX veka, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia: 528—569.
- Khailova, N. B. (2021), *Tsentrizm v ideologii i praktike rossiiskogo liberalizma v nachale XX veka* [Centrism in the ideology and practice of Russian liberalism at the beginning of the twentieth century], D. Sc. (History) Thesis, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Koni, A. F. (1916), *M. M. Kovalevskii v zakonodatel'noi deiatel'nosti* [M. M. Kovalevsky in legislative activities], Samoobrazovanie, Petrograd, Russia.
- Kovalevsky, M. M. (2005), *Moia zhizn': Vospominaniia* [My Life: Memories], Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), Moscow, Russia.
- Magaziner, Ya. M. (1917), *Politicheskaiia ideia M. M. Kovalevskogo v sviazi s kharakteristikoi ego lichnosti* [The political idea of M. M. Kovalevsky in connection with the characteristics of his personality], bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Maklakov, V. A. (1936), *Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii (Vospominaniia sovremennika): v 3-kh chastiakh: Prilozhenie k zhurnalu “Illustrirovannaia Rossiia” na 1936 god* [Power and public at the decline of old Russia (Memoirs of a contemporary): In 3 parts: Supplement to the magazine “Illustrated Russia” for 1936], part 1, Zhurnal “Illustrirovannaia Rossiia”, Paris, France.

- M. M. Kovalevskii. Uchenyi, gosudarstvennyi i obshchestvennyi deiatel' i grazhdanin: sbornik statei* [M. M. Kovalevsky. Scientist, statesman and public figure and citizen: collection of articles] (1917), bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Patrikeeva, O. A. (2018), 'Memoirs, letters, diaries of the early twentieth century as a historical source for studying the problem of elections to the First State Duma of the Russian Empire', in Dobroshtan, V. M. (ed.), *Grazhdanskii mir — grazhdanskaia voina: osmyslenie i prognozy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Civil peace — civil war: understanding and forecasts: proceedings of the International Scientific Conference], Sankt-Peterburg, Russia, 2 March 2018, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, Sankt-Petersburg: 180—183.
- Tagantsev, N. S. (1919), *Perezhitoe. Uchrezhdenie Gosudarstvennoi Dumy v 1905—1906 godov* [Experienced. Establishment of the State Duma in 1905—1906], bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Valbe, B. (1915), 'Anatoly Fedorovich Koni, literary portrait painter', *Izvestiia Odesskogo bibliograficheskogo obshchestva pri imperatorskom novorossiiskom universitete* [News of the Odessa Bibliographic Society at the Imperial Novorossiysk University], iss. 5—6: 253—266.
- Vybory v I—IV Gosudarstvennye dumy Rossiiskoi imperii. (Vospominaniia sovremennikov. Materialy i dokumenty)* [Elections to the I—IV State Dumas of the Russian Empire. (Memoirs of contemporaries. Materials and documents)] (2008), in Ivanchenko, A. V (ed.), [bez izdatel'stva], Moscow, Russia.
- Zhirkevich, A. V. (2007), *Potrevozhennye teni... Simbirskii dnevnik* [Disturbed shadows... Simbirsk diary], Eterna-print, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 29.11.2024; approved after reviewing 27.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Рыбин — кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста), Санкт-Петербург, Россия.

D. V. Rybin — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, director, St. Petersburg Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice), St. Petersburg, Russia.